

Отто фон Бисмарк

Мысли и воспоминания

Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
О-87

О-87 **Отто фон Бисмарк**
Мысли и воспоминания: Том II / Отто фон Бисмарк – М.: Книга по Требованию, 2012. – 288 с.

ISBN 978-5-458-05881-0

Книга воспоминаний Отто фон Бисмарка (1815 - 1898), политика, дипломата, министр-президента Пруссии, канцлера Германской империи.

ISBN 978-5-458-05881-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шинства? Мы добились нынешним летом уничтожения бременской коалиции⁵, к чему тщетно стремились 12 лет. Австрия приняла нашу программу, над которой открыто издевалась в октябре прошлого года; вместо Вюрцбурга⁶, она добивается союза с Пруссией, принимает нашу помощь, и если мы отвернемся от нее в настоящую минуту, то свергнем министерство. До сих пор еще не было случая, чтобы венской политикой до такой степени руководили *en gros et en detail* [в общем и в частности] из Берлина. Кроме того, у нас заискивает Франция; Флери предлагает больше того, на что может [пойти] король; в Лондоне и в Петербурге наш голос имеет такой вес, какого он не имел за все последние 20 лет; и все это через восемь месяцев после того, как вы предсказывали крайне опасную для нас изолированность в результате нашей польской политики. Если мы повернемся теперь спиной к великим державам и бросимся в объятия политики мелких государств, запутавшихся в сетях демократии ферейнов, то мы поставим этим монархию в самое жалкое положение и внутри и за пределами страны. Не мы, а нами руководили бы тогда; нам пришлось бы опираться на такие элементы, которыми мы не в состоянии овладеть и которые неизбежно враждебны нам; тем не менее мы должны были бы отдать себя на их гнев и милость. Вы полагаете, что в «германском общественном мнении», в палатах, газетах и т. п. заключено нечто такое, что может поддержать нас и помочь нам в нашей политике, направленной на достижение единства и гегемонии. Я считаю это коренным заблуждением, продуктом фантазии. Мы укрепимся не на основе политики, опирающейся на палаты и прессу, а на основе великодержавной политики вооруженной руки, мы не располагаем излишком сил, чтобы растранижировать их в ложном направлении на пустые фразы и Августенбурга. Вы преувеличиваете значение датского вопроса; вас ослепляет то, что этот вопрос стал общим боевым кличем демократии, которая руководит прессой и ферейнами и раздувает этот сам по себе не столь уж важный вопрос. Год тому назад кричали о двухгодичном сроке службы⁷, восемь месяцев тому назад — о Польше⁸, теперь — о Шлезвиг-Гольштейне. Припомните, как вы сами оценивали положение Европы летом. Вы боялись всевозможных опасностей для нас, вы не скрывали в Киссингене вашего мнения о несостоятельности нашей политики; разве со смертью датского короля все эти опасности внезапно исчезли и разве бок о бок с Пфортеном, Кобургом⁹ и Августенбургом, опираясь на болтунов и аферистов из прогрессистской партии¹⁰, мы внезапно оказались бы теперь достаточно сильными, чтобы бросить вызов всем четырем великим державам? Или эти державы стали вдруг так добродушны и бессильны, что мы, не опасаясь их, можем смело пойти на любые осложнения?

Вы указываете, что если бы мы могли осуществить программу Гагерна ¹¹ без имперской конституции, то это было бы «изумительной» политикой. Я не вижу, как могли бы мы этого добиться, если бы нам пришлось побеждать Европу *в союзе* с вюрцбургцами, находясь в зависимости от их поддержки. Одно из двух: либо другие правительства честно пришли бы нам на помощь, и борьба привела бы к тому, что в Германии прибавился бы еще один великий герцог ¹², еще один вюрцбуржец, который, заботясь о своем вновь обретенном суверенитете, голосовал бы в Союзном сейме против Пруссии; либо же нам пришлось бы — и это более вероятно — вырвать почву из-под ног у наших союзников *посредством* имперской конституции и при этом рассчитывать все же на их верность. Если бы это не удалось, как приходится предполагать, мы оскандалились бы; если бы это удалось, мы достигли бы единства с имперской конституцией.

Вы говорите о государственном комплексе с 70-ю миллионами населения и миллионом солдат ¹³, о том, что, сплотившись, он должен противостоять Европе; следовательно, вы допускаете, что Австрия будет душой и телом предана политике, которая доставит гегемонию Пруссии; и все же вы ни в малой степени не доверяете государству, которое включает в себя 35 из этих 70 миллионов ¹⁴. Я также не доверяю ему; но я нахожу целесообразным, чтобы Австрия была в данное время заодно с нами; настанет ли когда-нибудь час разлуки и кто ее вызовет, — покажет будущее. Вы спрашиваете: когда же, наконец, нам придется воевать, на что нам реорганизация армии? А из ваших собственных донесений видно, насколько нужно Франции, чтобы весной была война, видна также возможность революции в Галиции. Россия держит наготове на 200 тысяч человек больше, чем ей нужно в Польше; между тем, у нее нет денег для необоснованных вооружений; следовательно, она ожидает, по всей вероятности, войны; я ожидаю войны в сочетании с революцией. Вы говорите, далее, что нам вовсе не угрожает война; я никак не могу согласовать это с вашими собственными донесениями за последние три месяца. При этом я вовсе не боюсь войны — как раз напротив; и в то же время я отношусь равнодушно к революционерам или консерваторам, вообще ко всякой фразе. Очень скоро вы, быть может, убедитесь, что война входит и в мою программу; но ваш путь, который ведет к ней, я считаю неправильным с государственной точки зрения. Если вы оказываетесь при этом заодно с Пфортеном, Бейстом, Дальвигом ¹⁵ и прочими нашими противниками разных наименований, то это показывает, что политика, которую вы защищаете, не революционная и не консервативная, а просто неправильная для Пруссии политика. Если энтузиазм пивных импонирует Лондону и Парижу, то это меня

радует, это льет воду на нашу мельницу, но это еще не значит, что он импонирует и мне: он не даст нам в борьбе ни одного выстрела и мало денег. Вы называете лондонский договор революционным; трактаты, заключенные в Вене ¹⁶, были в десять раз революционнее и в десять раз несправедливее по отношению ко многим князьям, сословиям и государствам; европейское право создается именно европейскими трактатами. Однако если бы мы захотели приложить к ним мерку нравственности и справедливости, то пришлось бы пожалуй все их уничтожить.

Если бы вы были здесь, на моем месте, то я уверен, вы скоро убедились бы в невозможности той политики, которую рекомендуете мне, считая ее столь исключительно «патриотичной», что отказываетесь ради нее от дружбы. Я могу только сказать на это: *la critique est aisée* [критиковать легко]. Нетрудно, угождая толпе, порицать правительство, в особенности, когда этому правительству пришлось разворошить кой-какие осиные гнезда; если успех докажет, что правительство действовало правильно, порицание прекратится, если же оно потерпит фиаско в том, что вообще не подвластно человеческому разуму и воле, то можно будет приписывать себе славу своевременного предупреждения о том, что правительство находится на ложном пути. Я очень ценю ваши политические способности, но и себя я не считаю дураком; я готов услышать от вас, что это самообольщение. Может быть, вы будете лучшего мнения о моем патриотизме и моем уме, если я скажу вам, что уже две недели действую в духе предложений, высказанных вами в вашем донесении № —; с некоторым трудом я побудил Австрию созвать гольштейнские сословия, если мы проведем это во Франкфурте; прежде всего нам необходимо проникнуть в страну. Вопрос о порядке престолонаследия будет обсуждаться в Союзном сейме с нашего согласия, хотя, считаясь с Англией, мы не голосуем за это. Я оставил Зидова ¹⁷ без инструкций, он не создан для выполнения щекотливых инструкций.

Быть может, последуют еще и другие фазы, не столь уже чуждые вашей программе; но могу ли я решиться свободно высказывать вам мои сокровенные мысли, после того как вы объявили мне войну на политическом поприще и довольно откровенно высказываете намерение бороться с нынешним министерством и его политикой и хотите, таким образом, устранить его? Я сужу при этом лишь на основании содержания ваших собственных писем ко мне, не обращая внимания на сплетни и на все то, что мне передают по поводу ваших словесных и письменных заявлений на мой счет. И все же, дабы не пострадали государственные интересы, я, как министр, обязан быть безусловно и до конца откровенным в моей политике с нашим послом в Париже. Неизбежные в моем положении трения с министрами и советниками короля, с дво-

ром, тайными влияниями, палатами, прессой, иностранными дворами не должны осложняться тем, чтобы дисциплина в моем ведомстве уступала место соперничеству между министром и посланником и чтобы мне приходилось восстанавливать необходимое единство дипломатической службы, идя на дискуссию в переписке. Я редко имею возможность писать так много, как сегодня, в сочельник, когда все чиновники отпущены, и никому, кроме вас, я не написал бы и четверо меньшего письма. Я делаю это потому, что не решаюсь писать вам официально и через канцелярию в том высокомерном тоне, в каком написаны ваши донесения. Я не надеюсь убедить вас, но полагаюсь на вашу собственную служебную опытность и на ваше беспристрастие, и думаю, вы согласитесь со мною, что одновременно можно вести только одну политику, и это должна быть та политика, относительно которой достигнуто единодушие между министерством и королем. Если вы хотите изменить ее и вместе с тем свергнуть министерство, то вам следует действовать здесь, в палате и прессе, во главе оппозиции, с теперешним же вашим постом это несовместимо; тогда и мне придется держаться вашего же принципа, что в борьбе между патриотизмом и дружбой решает патриотизм. Но могу вас уверить: мой патриотизм — такое крепкое и чистое чувство, что дружба, даже если она стужеывается рядом с ним, может быть все же очень сердечной»¹⁸.

II

Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса, которые сулили герцогствам некоторое облегчение по сравнению с наличными условиями, я считал наилучшим присоединение герцогств к Пруссии, что и высказал однажды в совете тотчас после кончины Фридриха VII¹⁹. Я напомнил королю, что все его ближайшие предки, не исключая даже брата, добивались того или иного приращения владений государства: Фридрих-Вильгельм IV присоединил Гогенцоллерн и область Яде; Фридрих-Вильгельм III — Рейнскую провинцию; Фридрих-Вильгельм II — Польшу; Фридрих II — Силезию; Фридрих-Вильгельм I — Переднюю Померанию (Altvorpommern), великий курфюрст — Восточную Померанию (Hinterpommern), Магдебург, Минден и т. д. Я советовал ему идти по их стопам. Мое заявление не было внесено в протокол. Когда я осведомился о причине этого у тайного советника Костенобля, которому было поручено составление протоколов, он сказал, что, как предполагал король, мне будет приятнее, если мои слова не будут включены в протокол. Его величество, кажется, думал что я сказал это после возлияний Бахусу²⁰ за завтраком, и что я буду рад, если об этом не будет больше речи. Я настоял,

однако, на включении, что и было исполнено. Слушая мою речь, кронпринц воздел руки к небу, как бы сомневаясь, в здравом ли я уме; мои коллеги хранили молчание.

Если бы оказалось невозможным достигнуть максимума, то мы могли бы, несмотря на все акты отречения Августенбургов²¹, пойти на возведение этой династии на престол и на создание нового второстепенного государства при условии обеспечения прусских и немецко-национальных интересов, в основном — в соответствии с позднейшими февральскими условиями²², военной конвенцией, Килем в качестве союзной гавани и каналом между Северным и Балтийским морями.

Если бы тогдашняя европейская ситуация и воля короля сделали и это недостижимым без того, чтобы Пруссия не оказалась изолированной от всех великих держав, включая Австрию, тогда встал бы вопрос, каким путем — в форме ли персональной унии или как-либо иначе — можно было бы достигнуть временного решения, которое должно было все же несколько улучшить положение герцогств. С самого начала я неуклонно имел в виду аннексию, не теряя из виду и других возможностей. Я считал себя обязанным, во что бы то ни стало, не допустить создания такой ситуации, которую наши противники выдвигали в качестве программы перед общественным мнением: борьба и война Пруссии за создание нового великого герцогства, проводимая во главе газет, ферейнов, добровольческих отрядов и союзных государств, кроме Австрии, без всякой уверенности, что союзные правительства, невзирая на опасности, пойдут по этому пути до конца. К тому же развивавшееся в этом направлении общественное мнение, да и президент Людвиг фон Герлах²³ питали ребяческую веру в помощь, которую Англия окажет изолированной Пруссии. Гораздо скорее, чем с Англией, можно было бы добиться сотрудничества с Францией, если бы мы захотели заплатить цену, в которую оно, вероятно, обошлось бы нам. Ничто ни разу не поколебало меня в убеждении, что Пруссия, опираясь только на оружие и на союзников 1848 г., на общественное мнение, ландтаги, ферейны, добровольческие отряды и небольшие армейские контингенты в их тогдашнем состоянии, затеяла бы безнадежное предприятие и нашла бы среди великих держав, в том числе и в лице Англии, только врагов. Министра, который снова вступил бы на ложный путь политики 1848, 1849, 1850 гг., неизбежно подготовившей бы новый Ольмюц²⁴, я счел бы шарлатаном и предателем. Но пока Австрия была с нами, отпадала вероятность коалиции других держав против нас.

Хотя единство Германии и не могло быть создано решениями ландтагов, газетами и стрелковыми празднествами, все же либерализм оказывал давление на князей и делал их более склонными к уступкам в пользу империи. Дворы колебались в своих

настроениях, между желанием, наперекор давлению либералов, укрепить позиции князей обособленной партикуляристской и автократической политикой, и между опасением, как бы мир не был нарушен какой-либо внешней или внутренней силой. Ни одно из германских правительств не оставляло никаких сомнений на счет своего *германского* образа мыслей. Но единодушие в вопросе о том, каким образом должно быть создано будущее Германии, не было ни между правительствами, ни между партиями. Невероятно, чтобы на том пути, на который при новой эре²⁵, первоначально под влиянием своей супруги, вступил император Вильгельм, можно было когда-либо побудить его — как регента, а впоследствии короля — сделать то, что было необходимо для достижения единства — порвать с Союзом и использовать прусскую армию для германского дела. Но, с другой стороны, невероятно также и то, что его удалось бы направить на путь, приведший к датской, а тем самым и к богемской войне²⁶, если бы он не пережил предварительно стремлений и не осуществил попыток в либеральном направлении и не принял, таким образом, на себя соответствующих обязательств. Быть может, не удалось бы даже удержать его от участия во Франкфуртском съезде князей (1863), если бы либеральное прошлое не оставило и у государя некоторой потребности в популярности среди либералов. Потребность эта была ему чужда до Ольмюца, но с тех пор она стала естественным психологическим следствием стремления искать на попрание германской политики удовлетворения и исцеления от раны, которую нанесли здесь его прусскому чувству чести. Гольштейнский вопрос, датская война, Дюпелль и Альзен²⁷, разрыв с Австрией и разрешение германской проблемы на поле битвы²⁸ — на всю эту, связанную с риском систему, он, вероятно, не пошел бы, не будь того тяжелого положения, к которому привела его новая эра.

Конечно, еще в 1864 г. стоило немалого труда расторгнуть узы, которыми под влиянием своей либеральничавшей супруги он был связан с этим лагерем. Не вдаваясь в исследование запутанных юридических вопросов престолонаследия, он твердил: «Я не имею никаких прав на Гольштейн». Мои доводы, что Августенбург не имеет никаких прав в отношении герцогской и шаумбургской доли²⁹, никогда этих прав не имели и что дважды — в 1721 и в 1852 гг. — они отказались от королевской части наследства, что Дания в Союзном сейме³⁰ голосовала обычно вместе с Пруссией, что герцог Шлезвиг-Гольштейнский, опасаясь перевеса Пруссии, пойдет вместе с Австрией, — все эти доводы не произвели никакого впечатления. Если приобретение этих омываемых двумя морями провинций и мой исторический экскурс на заседании совета в декабре 1863 г.³¹ не остались без влияния на династическое чувство государя, то, с другой

стороны, на него действовала и мысль о неодобрении, которое встретит король, отрекшись от Августенбурга, у своей супруги, кронпринца и кронпринцессы, у различных династий и у всех тех, кто составлял тогда, по его представлению, общественное мнение Германии.

Общественное мнение образованных кругов среднего слоя Германии было, несомненно, в пользу Августенбурга; здесь проявлялась та же неспособность к здравому суждению, которая еще ранее допустила подмену германских национальных интересов полонизмом, а позднее искусственным воодушевлением в пользу баттенберговской болгарщины³². Махинации печати при обеих этих несколько схожих ситуациях дали, к сожалению, полный эффект, а публика со свойственной ей глупостью была к ним, как всегда, восприимчива. Склонность к критике правительства была в 1864 г. на уровне суждения: «Мне новый бургомистр не по душе, ей-ей»³³. Я не знаю, остался ли еще теперь кто-либо, кто считал бы разумным, чтобы после освобождения герцогств из них было создано новое великое герцогство с правом голоса в Союзном сейме и естественным призванием бояться Пруссии и держать руку ее противников; но в то время приобретение герцогств Пруссией считалось бесчестным всеми теми, кто с 1848 г. выдавал себя за выразителей национальных идей. Мое уважение к так называемому общественному мнению, т. е. к шумихе, создаваемой ораторами и газетами, никогда не было особенно велико, но что касается внешней политики, оно упало еще ниже в результате обоих случаев, которые я сопоставил выше. Насколько сильно, благодаря влиянию супруги и фракции карьеристов Бетман-Гольвега³⁴, образ мыслей короля был до этого времени проникнут шаблонным либерализмом, показывает то упорство, с каким он держался за противоречившую прусским стремлениям к национальному единству австро-франкфуртско-августенбургскую программу. Логически обосновать эту политику перед королем было бы невозможно. Не подвергая химическому анализу ее содержание, он воспринял ее, как принадлежность старого либерализма с точки зрения прежней критики престолонаследника и советников королевы в духе Гольца, Пурталеса и пр. Забегая несколько вперед, привожу основные места письма Бетман-Гольвега королю от 15 июня 1866 г., представлявшего собой последнее проявление партии «Еженедельника»³⁵:

«То, чего вы, ваше величество, всегда опасались и избегали, то, что предвидели все проницательные люди, тот факт, что наш серьезный конфликт с Австрией будет использован Францией для увеличения ею своих владений за счет Германии (где?) *, стало теперь очевидно всему миру из программы Луи-

* Замечание Бисмарка на полях. (Прим. нем. изд.)

Наполеона³⁶... Все Рейнские земли вместо герцогств — это было бы для него не плохой меной, ибо «les petites rectifications des frontieres» [«незначительные исправления границ»], на что он претендовал раньше, разумеется, не удовлетворяют его. А он — всемогущий повелитель Европы... Против инициатора этой (нашей) политики я не питаю враждебных чувств. Я охотно вспоминаю, что в 1848 г. я шел с ним рука об руку, стремясь поддержать короля. В марте 1862 г. я посоветовал вашему величеству избрать кормчего с консервативным прошлым, у которого было бы достаточно честолюбия, смелости и ловкости, чтобы снять государственный корабль с подводных камней, куда его занесло; я назвал бы господина фон Бисмарка, если бы полагал, что он сочетает с этими качествами осторожность и последовательность мышления и действия, отсутствие которых с трудом прощается и юности, представляя собой у зрелого мужа величайшую опасность для государства, которым он руководит. В самом деле, деятельность графа Бисмарка с самого начала была исполнена противоречий... Будучи издавна решительным защитником русско-французского союза, он связывал помощь, которую в интересах Пруссии следовало оказать России против польского восстания, с политическими проектами, которые должны были отдалить от него оба государства. Когда в 1863 г., со смертью датского короля, на его долю выпала самая счастливая возможность, какая только может оказаться уделом государственного деятеля, он пренебрег тем, чтобы поставить Пруссию во главе единодушно поднимавшейся Германии (в резолюциях)*, объединение которой под руководством Пруссии было его целью. Он еще более тесно связался с Австрией, принципиальной противницей этого плана, а позднее стал ее непримиримым врагом. Принца фон Августенбурга, к которому вы, ваше величество, благоволили и от которого можно было тогда добиться всего, он третировал**, чтобы вскоре после этого провозгласить его права, устами графа Бернсторфа, на Лондонской конференции³⁷. Венским договором³⁸ он возлагает затем обязательство на Пруссию принять окончательное решение о судьбе освобожденных герцогств лишь по соглашению с Австрией***? и позволяет устанавливать там такие порядки, которые явно предвещают «аннексию»...

Многие считают эти и подобные им внутренне противоречивые мероприятия, постоянно приводившие к обратным результатам, ошибкой, вызванной необдуманностью. Другим они кажутся шагами человека, который идет на авантюры и сваливает все в одну кучу, чтобы воспользоваться случайной добычей,

* Вставка Бисмарка. {Прим. нем. изд.}

** Ср. письмо принца от 11 декабря 1863 г.

*** Почему не [сказать]: Он обязывал Австрию лишь по соглашению с Пруссией и т. д.?

или же ходами игрока, который после каждого проигрыша повышает ставку и в конце концов идет «*à banque*».

Все это плохо, но еще хуже в моих глазах то, что граф Бисмарк, действуя так, поставил себя тем самым в противоречие с образом мыслей и целями своего короля и в высшей степени ловко, шаг за шагом, подводил его все ближе к противоположной цели, пока, наконец, возвращение не стало казаться невозможным. Между тем долг министра заключается, по моему разумению, прежде всего в том, чтобы быть верным советником своего государя, предоставлять средства для выполнения его намерений и, это главное, сохранять его образ незапятнанным в глазах мира. Прямота, справедливость и рыцарский дух вашего величества известны всему миру и снискали вам всеобщее доверие и всеобщее уважение. Граф Бисмарк добился, однако, того, что благороднейшие слова вашего величества, обращенные к собственной стране, не оказывают никакого влияния, так как им не верят; он добился того, что любое соглашение с другими державами стало невозможным, ибо первая предпосылка такого соглашения — доверие — разрушена политикой интриг... Еще не прозвучал ни один выстрел, еще возможно соглашение при одном условии: не прекращать вооружений, более того, если это нужно, удвоить их, чтобы победоносно встретиться с противниками, стремящимися уничтожить нас, или же с честью выйти из запутанного положения. Но никакое соглашение невозможно, пока этот человек стоит рядом с вашим величеством и обладает вашим полным доверием, похитив у вашего величества доверие всех других держав...»

III

Когда король получил это письмо, он уже освободился из сетей повторенных в нем аргументов благодаря Гаштейнскому договору от 14—20 августа 1865 г.³⁹ С какими трудностями мне еще пришлось бороться во время переговоров, предшествовавших этому договору, какую осторожность нужно было соблюдать, показывает следующее мое письмо к его величеству:

«Гаштейн, 1 августа 1865 г.

Всемилодивейший король и государь.

Вы, ваше величество, великодушно простите меня, если, быть может, преувеличенная забота об интересах высочайшей службы заставляет меня вернуться к сообщениям, которые ваше величество только что милостиво сделали мне. Мысль о разделе хотя бы лишь управления герцогствами, если бы она стала известна в августенбургском лагере, вызвала бы сильнейшую бурю в

дипломатических кругах и в печати; в этом увидели бы начало окончательного раздела и не сомневались бы, что те части страны, которые станут предметом исключительно прусского управления, будут потеряны для Августенбурга. Я полагаю, вместе с вашим величеством, что ее величество королева будет держать эти сообщения втайне; но если бы из Кобленца⁴⁰ в расчете на родственные отношения наметнули на что-либо подобное королеве Виктории⁴¹, кронпринцу с супругой, а равно и в Веймаре или Бадене⁴², то уже один тот факт, что тайна не была бы нами соблюдена, как я по его настоянию обещал графу Бломе⁴³, мог бы вызвать недоверие императора Франца-Иосифа и привести к провалу переговоров. Но за этим провалом должна почти неизбежно последовать война с Австрией. Соболаговолите, ваше величество, приписать не только моей заботе об интересах высочайшей службы, но и моей преданности вашей высочайшей особе мою уверенность, что ваше величество с иными чувствами и с более чистым сердцем решилось бы на войну с Австрией, если бы необходимость ее вытекала из самой природы вещей и монаршего долга. Иначе обстояло бы дело, если бы осталось ощущение, что преждевременная огласка предполагаемого решения удержала императора от согласия на последнюю приемлемую для вашего величества меру. Быть может, моя забота нелепа, но даже если бы она была справедлива, и, вы, ваше величество, не пожелали бы считаться с ней, я счел бы, что бог направляет сердце вашего величества, и не менее радостно нес бы мою службу, но для успокоения совести почтительнейше представил бы на усмотрение вашего величества, не прикажете ли вы мне вернуть телеграммой фельдъегеря из Зальцбурга +)⁴⁴. Внешним предлогом могла бы послужить министерская почта, и завтра мог бы вместо этого курьера своевременно отправиться другой или тот же самый. Копию того, что я телеграфировал Вертеру⁴⁵ относительно переговоров с графом Бломе, всеподданнейше препровождаю. Я почтительнейше полагаюсь на испытанную милость вашего величества, уповая, что если вы не одобрите моих опасений, то припишете их искреннему стремлению служить не только долгу ради, но и ради личного удовлетворения вашего величества.

С глубочайшим благоговением до последнего вздоха остаюсь вашего величества всеподданнейший

фон Бисмарк».

Против обозначенного +) места король написал на полях: «Согласен. — Я потому упомянул об этом деле, что за последние 24 часа о нем больше не упоминалось, и я считал, что оно уже не принимается в расчет после того, как имел место фактический раздел и вступление во владение. Моим сообще-